

А. В. КОЗЬМИН
(Москва)

Рецензия на: Добровольская В. Е. Предметные реалии русской волшебной сказки. — М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2009. — 224 с.

Монография посвящена, как это отражено в названии, предметным реалиям волшебной сказки. Жанр выделяется вполне традиционно, на основании набора сюжетов, предлагаемых указателями, восходящими к сказочному указателю Аарне, при этом берутся именно классические сюжеты. Это означает, что предметом анализа выступают сказки, которые рассматривались в классических исследованиях, посвященных этому жанру. Такой выбор материала стоит всячески приветствовать, поскольку выявленные особенности жанра можно соотносить с результатами, полученными с применением других методов. Что касается предметных реалий, то это «те элементы предметного мира, которые влияют на развитие сказочного сюжета, формирование композиции или характеристику персонажа» (с. 22). Они отличаются от персонажей отсутствием целенаправленного поведения (в отличие, например, от животных — персонажей сказки), а от «простых» вещей — тем, что последние составляют фон действия и лишены функциональной нагрузки.

Описание предметных реалий дается в форме словаря. Вначале приведен «Словарь предметных реалий русской волшебной сказки», где входом служит название реалии, далее следуют ее функции с указанием соответствующих сюжетов по «Сравнительному указателю сюжетов» восточнославянской сказки (СУС). Подробное описание реалий содержится в следующих разделах книги. Выделяются восемь основных функций предметных реалий, они группируются в соответствии с этими функциями. *Средства личной трансформации* влияют на облик героя, классические примеры — молодильные яблоки или вода из копытца. *Средства «репродуктивной» трансформации* (пожалуй, кавычки тут не нужны, но автор предпочитает их использовать) приводят к чудесному появлению на свет персонажа, к ним относится, например, снег, из которого возникает Снегурочка. *Индикаторы* — разного рода предметы, выступающие как знаки по преимуществу: чудесный клубок, указывающий дорогу, или языки убитого змея,

которые идентифицируют истинного героя. *Транспортно-боевые и технические средства* помогают герою выполнять чудесные задачи (меч-кладенец) или перемещаться в пространстве (ковер-самолет). *Средства трансформации пространства*, как правило, это предметы, используемые при чудесном бегстве, как гребенка, превращающаяся в лес. *Предметные реалии, снабжающие персонажа*, — волшебные предметы типа скатерти-самобранки. К *предметным реалиям, организующим пространство*, относятся локусы, где происходит действие, например, сад или избушка Бабы-яги. Наконец, к *объектам поиска* относятся предметы, которые ищет герой и которые при этом ценны сами по себе, а не в силу своих «прикладных» качеств: свинка — золотая щетинка входит в эту категорию, а молодильные яблоки — нет, поскольку они омолаживают.

Каждая реалия описывается по определенному плану. «Сначала она изучается с точки зрения ее функции в сказки. Например, кольцо, вызывающее слуг, описывается в разделе, посвященном индикаторам. При этом анализ затрагивает и мифоритуальные корни исследуемого объекта, и его функционирование в реальном быту, но только в той степени, насколько это необходимо для понимания характера сказочной функции данного образа, принципов его трансформации и закрепления в сказочном контексте. Далее рассматриваются внешние и сюжетно-композиционные признаки, а также семантика предметных реалий» (с. 40). К этому нужно добавить, что иллюстративный материал извлекается не только из классических и новых изданий сказок, но и из неопубликованных текстов, что очень ценно.

Приведем полное описание одной реалии из раздела «Индикаторы» (выбран короткий пример из соображений места, большая часть описаний более развернута):

ПЛАТОК И ПОЛОТЕНЦЕ

Как опознавательный знак платок встречается в сказках типа СУС — 532 и СУС — 502. Герой, изменив свой облик, побеждает войско противника, и царевна перевязывает его рану своим платком: «Змей ранил его в ногу выше колена. Он бьется, она кинулась рану платочком перевязывать... она как глянула, увидела свою повязку и доспехи, так и в обморок упала» (Королькова. С. 98—107).

При выяснении причин выбора царевной грязного садовника в женихи платок помогает установить истинный облик героя и его происхождение. Выбор именно

платка не случаен. В данном примере на сказку сильное влияние оказал свадебный обряд. Невеста, давая согласие на брак, дарит жениху платок как залог своей любви. Сказка сохранила обрядовый предмет, но изменила его функцию, превратив его из знака согласия на брак в знак, свидетельствующий о совершении подвига (с. 73).

Такая форма описания, особенно указание типов по СУС, представляется очень ценной, в том числе для дальнейших исследований сказки, то же самое можно сказать и о цитировании текстов. Правда, цитирование выполняет чисто иллюстративную роль, не очень ясно, насколько приведенные текстовые примеры типичны. В идеальном случае стоило бы указать все тексты, а не только сюжетные типы, которые упоминают реалию, но выполнение этого требования, несомненно, сильно увеличило бы объем издания. Так или иначе, сюжетно-композиционная роль реальных описана весьма полно. Что касается «мифоритуальных корней исследуемого объекта», то тут описание кажется менее удачным. В приведенном выше примере «внесказочная» семантика платка выявлена, стоит надеяться, достаточно надежно, однако если речь идет о более семантически нагруженных явлениях, описания выглядят иногда несколько случайными. Так, для «Знаков вызова: перо, волос, косточка, крылышко, чешуя; уздечка и огниво; кольцо» приводится следующая характеристика: «Все эти элементы связаны с мифологическими представлениями о том, что человек, владея частью целого, приобретает власть над всем объектом: "...часть животного дается в руки и служит средством власти над животным <цитата из «Исторических корней волшебной сказки» В. Я. Проппа>". Сказка переосмыслила мифический образ и превратила его в элемент поэтической системы, наделив способностью не владеть и вредить (миф), а вызывать и пользоваться помощью» (с. 81). Нельзя сказать, что приведенная цитата содержит неверные утверждения, однако вряд ли можно считать это исчерпывающим и хорошо подкрепленным описанием глубинной семантики мотива. Вероятно, стоило бы сделать больший акцент не на собственно семантических характеристиках, а на библиографических указаниях.

Словарное описание реалий составляет, так сказать, «практическую» часть книги. Что касается теоретических результатов исследования, то тут наиболее интересными представляются следующие положения (подчеркнем, что далее будут перечислены далеко не все выводы работы).

Автор предлагает набор признаков, при помощи которых характеризуются реалии. Это такие признаки, как атрибутивность/неатрибутивность (приуроченность реалии к персонажу), локализованность/нелокализованность (принадлежность реалии к определенным сегментам сказочного пространства), «модальность» (сила воздействия на внешний мир), изменчивость (способность изменяться) и некоторые другие. Далее автор устанавливает соотношения этих параметров с принадлежностью реалий к восьми группам реалий, выделенных по функциональному основанию, о которых речь шла выше. Такое соотнесение, показанное при помощи диаграмм, дает возможность сделать важные выводы. Например, «и степень изменчивости самих предметных реалий, и степень их способности изменять объекты окружающего мира практически одинаковым образом уменьшается поступательно от объектов трансформационного воздействия к фоновым реалиям. ... Иными словами, для сказочной поэтики свойство предмета изменяться равносильно его свойству изменять, и наоборот» (с. 187). Вывод, сделанный после анализа признаков атрибутивности и локализованности: «наиболее жестко локализованные объекты оказываются в то же самое время самыми атрибутируемыми; предметы же, свободные от привязки к местности, в общем свободны и от привязки к персонажу» (с. 190). Есть и другие выводы того же класса.

Классификация предметных реалий по восьми функциям и соотношение реалий с «внесказочным» миром (семиотические механизмы, ответственные за «инкорпорацию» реалий в сказку, также подробно разбираются) позволяет автору выдвинуть такое весьма интересное положение: «средства воздействия на внешний мир и на героя (кроме трансформаторов пространства) обнаруживают наиболее сильные мифологические корни, транспортно-технические средства, как правило, заимствованы непосредственно из реальности, и их функции лишь усилены сказкой. Индикаторы попали в сказку по аналогии с обрядовой практикой или являются сказочной инновацией, места действия реальны, а предметы поиска отобраны сказкой произвольно. В целом проявляется следующая закономерность: мифосимволическая нагруженность увеличивает «силу» сказочного предмета, произвольность или реалистичность выбора предмета сказкой эту «силу» снижает» (с. 198—199). Это не только тонкая

характеристика сказочной поэтики, но и тезис, который дает возможность глубже определить жанровую природу сказки. Далее автор подчеркивает, что сказка не создает новых предметов, не использует даже экзотических объектов, а лишь трансформирует в своих целях уже знакомые аудитории реалии, таким образом, от слушателей требуется весьма активная работа воображения.

Весьма плодотворным кажется использование последовательности реалий для характеристики сюжетных типов. Так, сюжеты, связанные с мотивом подмены, описываются так:

СУС 403=АА 403А, В («Подмененная жена»): источник-одежда-мертвая рука;

СУС 409 («Мать-рысь»): дворец-поле-одежда-поле или лес-кожа;

СУС 450 («Братец и сестрица»): дорога-лужа-вода из копытца-дворец-водный источник (преимущественно пруд)-костры, котлы, ножи-сети.

Как предполагает автор, предметные реалии можно рассматривать «как сюжеторазличительные элементы, которые можно положить в основу классификации ядра сказочных сюжетов» (с. 181). Таким способом в книге охарактеризовано относительно мало сюжетных типов, но само предложение выглядит весьма многообещающим.

Из недостатков следует отметить не всегда адекватную характеристику исследовательской литературы. Так, в примечании к фразе «западные исследователи, обращаясь к предметному миру фольклора, анализируют по преимуществу предметные реалии, наделенные в традиционной культуре символично-мифологической семантикой» ссылка идет одновременно на работы Уоссонов, Карла Юнга и Эриха Фромма. Говорить о теории Уоссонов о роли грибов в различных культурах, концепции архетипов Юнга и версии психоанализа Фромма (кстати, его работа была издана не в 1911, как утверждается в примечании, а в 1951 г.) в одной фразе, подобной приведенной выше, вряд ли разумно. Неоправданно нейтральную оценку получила работа М. М. Маковского, находящаяся за пределами науки. Впрочем, это лишь частные замечания, и приложенная к книге библиография представляет самостоятельную ценность.

В заключение хотелось бы повторить, что книга В. Е. Добровольской не только интересна своими теоретическими выводами, но и полезна практически, хочется надеяться, что ей будут пользоваться исследователи сказки.

В. Н. ШАПОШНИКОВ (Москва)

Рецензия на: Кропотов В. С. Черемуховая река: Очерки истории деревни Лонганер (XIX—XX вв.). — 2-е изд. — М.: Русский мир, 2010. — 360 с., илл., табл.

Книга «Черемуховая река: Очерки истории деревни Лонганер (XIX—XX вв.)» представляет собой исследование одной исчезнувшей деревни, в которой родился автор — кандидат исторических наук Виталий Спиридонович Кропотов (1926 г. р.), проживающий ныне в Йошкар-Оле.

Повествование о происхождении деревни, основанной русскими переселенцами, которые дали ей имя по марийскому названию протекавшей рядом реки (Ломбо-энер — «черемуховая река»), о судьбах ее пяти родов основано на воспоминаниях старожилов и самого автора, на архивных источниках. Это все доступные архивы Республики Марий Эл (в том числе церковные), архив Российской социально-политической истории (г. Москва), архивы Кировской области, Республики Татарстан, Магаданской области, г. Севастополя. Такое разнообразие источников говорит об объективности, смелости, широте подхода.

«Основная сложность написания книги, — поясняет автор, — состояла в острой нехватке письменных источников. Рядовые деревни, как и простые люди, никогда у нас вниманием к себе и своей жизни не были избалованы. Многих источников не было вовсе, некоторые не сохранились, а советский период представлен главным образом документами партийных организаций. Именно этим и объясняется их столь широкое присутствие в книге. Есть, к сожалению, и такие «бумаги» — свидетели прошлого, доступ исследователей к которым закрыт до сих пор. Эти и другие досадные пробелы в какой-то степени восполнялись памятью лонганерцев-старожилов» (с. 6).

Кроме «чисто» исторических введения и 1-й, 2-й, 4-й, 5-й глав, в книге имеются аналитические: 3-я глава «Партия в жизни деревни», 6-я глава «Лонганерская школа...», 8-я глава «Лонганерские родословные». Главное название книги «Черемуховая река» претендует (и оправдывает эти претензии) на художественное, или, если хотите, беллетристическое описание Лонганера, что и реализовано в 7-й главе.